

НЕ ТОТ БОГ

РИЧАРД РАЙТ

РАССКАЗ

29 ноября 1960 года газеты оповестили мир, что в Париже в возрасте 52 лет от сердечного приступа скончался известный негритянский писатель Ричард Райт.

Уже первые рассказы Ричарда Райта, появившиеся в «Дейли уоркер» и «Нью мэссиз», привлекли к нему внимание прогрессивной общественности и выдвинули его в ряд лучших негритянских писателей. Многим книгам Райта свойственно отрицательное отношение к политике правящих классов, борьба за признание прав негра в американском обществе. Советские читатели знакомы с творчеством Райта по роману «Сын Америки», опубликованному на русском языке в конце 30-х годов.

Ричард Райт был сложным человеком и писателем. Взгляды его во многом противоречивы. Сыну негра-издольщика, ему пришлось пройти тяжелую школу жизни. Он с юных лет работал носильщиком, уборщиком, мыл посуду... Иногда он и вовсе был без работы, скитался и голодал. Бедняки-негры, герои его рассказов, не выдуманы Райтом. Он сам пережил многое из того, что происходит с ними. Иногда Ричарда Райта охватывало отчаяние и пессимизм, мир представлялся ему в самом черном свете, что сказывалось на его творчестве.

Но лучшие произведения писателя говорят о нем как о человеке, ищущем и полном искренней любви к своему народу. Даже в обстановке постоянных оскорблений, расовой дискриминации, говорят эти его книги, человек не должен ронять своего достоинства, тем более, если он негр.

Сам Райт, гордый и вспыльчивый, не вынес нападок и издевок расистов в Соединенных Штатах. Для него лично дело осложнялось еще и тем, что он был женат на белой. После войны Райт вместе с женой покидает родину и до самой смерти живет вдали от США, главным образом в Париже.

Здесь писатель создал ряд произведений, говоря-

щих о сдвиге в его мировоззрении. Герои его последнего сборника рассказов, вышедшего посмертно, — хорошие люди, совершающие самоотверженные и благородные поступки. Негры у Райта непокорны и горды. Они не считают, что должны выпрашивать равные права с белыми, они уверены, что эти права им даны от рождения, как гражданам США.

События последних лет оказали большое влияние на Райта. Об этом говорит его роман «Мечта без конца», его публицистические книги, рассказ «Не тот бог» из последнего сборника «Восемь человек». Рассказ является острым памфлетом, направленным против белых «цивилизаторов», против западных любителей «экзотики», не считающих африканцев полноценными людьми. С непередаваемым сарказмом Райт показывает, как подобное отношение к живым, мыслящим людям мстит за себя.

Остроумно и смело разоблачая идеологию и психологию тех, чье благополучие зиждется на сохранении колониальной системы, Ричард Райт все свои симпатии отдает африканцам, ищущим — неустанно и мучительно — путь к полному освобождению континента.

В последние годы жизни писатель, оторванный от борьбы негров в родной стране, пристально следил за освободительным движением африканских народов. Посетив Золотой Берег и Западную Африку, он пишет книгу «Черная держава», направленную против английской колониальной политики.

Известный негритянский писатель Джеймс Болдуин в статье, написанной на смерть Ричарда Райта, отмечает, что в Париж к нему совершили паломничество многие видные деятели освободительного движения Африки и Америки. Райт остается самым талантливым представителем негритянской литературы протеста, утверждает Дж. Болдуин.

Мы публикуем рассказ «Не тот бог» с некоторыми сокращениями.

ЖОН, посмотри! Мы въезжаем в джунгли! Сплошные зеленые стены, и все перевито лианами...

- Здесь живет бог природы, Элси.
- Что это? Я слышала крик.
- Наверно, какой-нибудь зверь...
- Не хотелось бы мне провести ночь

в этих джунглях.

— В джунглях всегда ночь, Элси. Солнце никогда не проникает сквозь зеленый покров. Прислушайся. Слышишь, как звучат тамтамы?

— О, Джон, дорогой, это так романтично и таинственно! И как только люди живут здесь!

— Мне кажется, что для чернокожих джунгли то же самое, что для нас площадь Согласия в Париже.

- Джон, милый...
- Да, Элси.
- Ты рад, что мы уехали из Парижа?
- Конечно, милая.
- Судя по тону, этого не скажешь.
- Послушай, мы же договорились, что не будем

ссориться.

— Я и не хочу ссориться, дорогой. Но, Джон, я должна знать. Я увезла тебя от этой ужасной женщины — Одил Дюфур. Я настояла, чтобы мы поехали сюда. Ты доволен? Скажи, ты сможешь писать свои картины?

— Думаю, что да. Мы вместе. Разве этого недостаточно?

— Я люблю тебя, Джон.

— Конечно, милая. Ммм... Осторожно! Я не могу одновременно вести машину и целоваться...

— Ммм... Гляди: небо темнеет.

— Да. Похоже, что будет дождь. Погода меняется каждые четверть часа... Смотри, африканцы на обочине. Ситцевые одежды, босые ноги... Да, здесь я буду писать!

— Гром ударил над самой машиной!

— Оооп-ля! Вот это дожди! Водопад! Погляди, что за молния!..

— Не так быстро, Джон! Там у дороги какие-то люди...

— Черт! Скользко. Дорога раскисает на глазах! Проклятье! Меня заносит. Еще свалимся в канаву...

— Ты думаешь, африканцы поймут нас и съедят?

— Нет, милая. Ха-ха! Эти дикари принимают нас за богов.

— Джон, будь осторожен! Нас заносит! Далеко нам еще до Кумаси?

— Миль двадцать.

— Мы словно плывем по бурному морю.

— Милая, ты говорила, что хочешь увидеть Африку. Ну, вот она.

— Джон, будь осторожен. Ты съехал с дороги. Там люди... Дорогой, останови машину и подожди, пока пройдет дождь...

— Все в порядке. Теперь уже видно немного лучше. Я прибавлю скорость...

— Джон, остановись! Ты сшиб кого-то!

— Черт возьми!

— Стой! Ты сшиб человека! Он лежит в канаве! Боже мой!

— Меня заносит... Все в порядке, Элси. Спокойно. С этими бабуинами¹ ничего не делается... Си-

ди в машине, а я выйду, посмотрю, как он там... Нет! Не выходи, Элси!

— Но, может быть, он серьезно ранен!

— Сиди в машине! Ты промокнуешь до нитки в такой ливень! Ага, все в порядке...

* * *

— Джон, он не шевелится! Он истекает кровью! — У него разбита голова... Эй, парень! Я ударил тебя? Ты слышишь? Ты ранен?

— Ооооох... Моя голова, масса!

— Ты можешь встать? Нет? Я подниму тебя. Элси, нам придется отвезти его к врачу.

— Он серьезно ранен, Джон?

— Откуда мне знать? Давай положим его в машину, Элси. Здесь удобно, парень. Ложись. Туда. Ну как? Тебе лучше?

— Простите, масса.

— Что?! Простить? За что простить?

— Простите, что моя голова ушибла машину массы.

— Что? Ха-ха-ха!

— Он бредит, Джон?

— Нет. Ха-ха-ха! Вот толстокожая обезьяна... Поехали в Кумаси. Держу пари, что крыло машины пострадало больше, чем его толстый череп.

— Джон, я вся дрожу... Проклятые тамтамы!

— Дождь почти прошел. Я поеду быстрее.

— Не очень быстро, Джон.

— Элси, не мешай мне вести машину! Если бы ты не приставала ко мне со своей болтовней, я бы не сшиб этого чертова черномазого!

— Не волнуйся, дорогой. Шш! Что он говорит?

— Ха-ха! Он поет... Вот видишь, Элси, я говорил тебе, что эта обезьяна не пострадала...

— Какой у него голос, Джон!

— Как твоя голова, парень?

— Хорошо, масса. Немножко кровь течет.

— О'кей. Мы возем тебя к доктору. Пой еще...

— Да, сар, масса.

— Где ты выучился петь, парень?

— В церкви миссии, сар. Масса, моя кровь пачкает вашу красивую машину.

— Ха-ха! Не беспокойся. Она отмоеется.

— Джон, торопись. Кровь так и хлещет.

— Элси, послушай... Он снова поет.

— Джон, он поет в такт ударам тамтама!

— Ха-ха! Фантастический малый! Эй, парень, где ты живешь?

— Нет дома, масса. Иду искать работу.

— А что ты умеешь делать?

— Могу готовить, могу слугой быть, могу двор убирать, масса.

— Ты что, все еще пачкаешь мою машину?

— Да, сар. Простите, масса.

— О'кей. Ты знаешь доктора в Кумаси?

— Масса найдет заклинателя. Джун-джу. Джун-джу лечит людей.

— А я думал, ты христианин...

— Я христианин, масса.

— Ладно. Спой еще что-нибудь, парень... Он потерял сознание?

— Глаза закрыты. Он лежит в луже крови. Ты думаешь, он умер?!

— Мы уже в городе. Найдем-ка врача для этого певчего дрозда! Гляди! Написано, что здесь врач... Оставайся в машине, а я...

— Нет! Я пойду с тобой, Джон. Я не хочу оставаться с мертвецом!

¹ Бабуин — обезьяна из рода павианов.

— Не думаю, чтоб он умер. Но лучше пощупать пульс. Никогда не щупал пульса у черномазых... Ага, вот... Пульс в порядке, Элси. Просто он потерял сознание. Ну, теперь оставайся в машине, а я...
— Я иду с тобой, Джон!
— Ладно. Если ты настаиваешь...

* * *

— Вы думаете, все будет в порядке, доктор?
— Я наложил десять швов. Возможно небольшое сотрясение мозга. Для верности я бы сделал снимок. Пусть полегит в постели несколько дней. А теперь несите его в машину; мой слуга помыл ее. С вас два фунта.
— Пожалуйста, доктор. Черт возьми, черномазые обходятся недешево...
— Простите, масса... Я отдам деньги массе...
— До свидания, доктор. Пошли, парень. Кстати, как тебя зовут?
— Меня зовут Бабу, масса.
— Ты хочешь отвезти его в больницу, Джон?
— Нет, Элси. Из больницы сообщат в полицию. Будут осложнения. Придется взять его с собой.
— Вот машина, парень. Ложись на заднее сиденье. Не разговаривай.
— Да, масса.
— Ну и повезло! Никогда не думал, что мне придется ухаживать за больным черномазым.
— Напиши его, Джон. Пусть он заплатит тебе тем, что будет позировать.
— В жизни не писал черномазых... Он сказал, что умеет готовить. Послушай, а он может пригодиться. Черт возьми! Он опять поет.
— Думаю, он поправится, Джон.
— Нам приходится нести бремя белого человека, Элси. Ха-ха!

* * *

— Не шевелись, Бабу. Я почти кончил... Знаю, что поза неудобная. Но когда твое лицо освещено солнцем, я вижу **настоящий** цвет твоей кожи. Странно...
— Бабу черный, масса.
— ...и красный, и синий, и зеленый, и желтый...
— Да, сар, масса. Ха-ха-ха!
— Над чем ты смеешься, Бабу?
— Бабу удивляется, каким кажется массе черный народ.
— Мда... Первые дни я никак не мог привыкнуть к черным лицам. А теперь, честное слово, все мне кажется **белыми**.
— Ха-ха-ха! Бабу понимал масса. Иногда Бабу хочется видеть землю белого человека.
— Хм... Может, когда-нибудь увидишь. Но за чем тебе это?
— Белый человек все может, масса.
— Не шевелись, Бабу... Твой нос имеет желтый оттенок. Я пишу тебя поющим, Бабу. Пой, пой в ритме тамтамов...
— Кто-то стучится, масса.
— Джон, это я, Элси.
— Входи, дорогая. Я почти закончил.
— Джон, это твоя самая блестящая вещь!
— Еще зеленый мазок на щеку... Пой, Бабу! Это мне помогает...

* * *

— Готово! Закончил! Ну как, парень? Устал?
— Нет, масса. Но шея у Бабу болит.
— Тебе нравится твой портрет, Бабу?

— Мизуз, масса сделал Бабу похожий на пылающую черную розу!

— Ха-ха! Бабу, ты высказываешься, как критик-искусствовед... Черт побери, ну и проголодался же я!.. Готов съесть корову. Как насчет того, чтобы перекусить, Бабу?

— Перекусить быстро, масса.

— Надеюсь, ты долго не провозишься с этим ростбифом?

— Ха-ха! Ростбиф нет, масса. Есть жареный цыпленок.

— Нет! К черту! Говорил я тебе — не покупай цыплят! Я просил ростбиф! Разве ты забыл, тупица?

— Нет, масса. Бабу не забыл.

— Тогда какого дьявола ты купил цыпленка?

— Простите, масса. Бабу виноват. У Бабу вера такая, масса.

— Вера? Твоя вера не разрешает тебе покупать ростбифы?

— Бабу покупает цыпленка для мертвого папы Бабу.

— Бог мой, Джон... Это джу-джу, религия джунглей.

— Простите Бабу, масса. Но это масса виноват...

— Я виноват? Разве я заставлял тебя покупать цыплят, ты, человекоподобная обезьяна?

— Голова Бабу ударила машину массы. Кровь Бабу — жертва массе, и масса просил Бабу работать. Тогда Бабу покупает цыплят и режет цыплятам горло, и кровь бежит на мертвого папу Бабу и говорит богу спасибо. Бабу льет кровь и молится за массу.

— Джон, это сведет меня с ума.

— Ха! Какого черта ты мне все это рассказываешь, парень?

— Жертвенный цыпленок вкусный. Масса будет кушать?

— Подавай этого проклятого цыпленка, да побыстрей!

— Да, сар, масса.

— Ха-ха! Я плачу за цыплят, а он приносит их в жертву, чтобы отблагодарить меня за то, что моя машина помяла его; и он заставляет меня каждый день съедать цыпленка, чтобы иметь возможность попросить своего мертвого папу передать богу, что он благодарен за то, что моя машина сбила его... Логика джунглей! Ха-ха! Ну, милая, как тебе нравятся мои картины?

— Ты хочешь сказать, что уже все закончил?

— Все. С негритянским периодом в моем творчестве покончено.

— Джон, какая божественная палитра!

— Ты видишь перед собой мою парижскую выставку, милая. Взгляни на **свои** портреты. Какой великолепный свет падает на твои груди... Правда есть красота, и красота есть правда — вот все, что я знаю и что мне надо знать. Благодарю тебя, дорогая...

— И Бабу... Помнишь, по дороге сюда ты хотел писать только пейзажи. Ты сбил Бабу... Потом ты стал писать негров...

— Черт тебя побери, Бабу. Ты принес мне удачу. Погляди на мою работу...

— Это потому, что масса, как Иисус.

— С чего это ты?

— У массы рыжая борода и голубые глаза, как у Иисуса.

— Но откуда тебе известно, что у Иисуса была рыжая борода и голубые глаза?

— Бабу видел Иисуса на картинке в книге, когда ходил в воскресную школу, масса.

— Ха-ха! О'кей, Бабу. Ставь эту жертву на стол.
— Да, масса.
— Тамтамы и цыплята уморят нас. Мы прожили здесь достаточно. Надо ехать. Чертовски рад, что закончил работу. Признаться, я скучаю по Парижу...

— Да, Джон. Хватит с меня джунглей! Поехали!
— Тогда все улажено. Едем в Париж. В сентябре будет моя выставка. Машину отправим поездом, а сами сядем в самолет в Аккре... Элси, мне в голову пришла дикая мысль...

— Что, Джон?
— Давай возьмем Бабу с собой.
— О чем ты говоришь? Взять Бабу!
— Конечно. Это прихоть. Но почему бы и не взять?

— Но, Джон, а вдруг он и в Париже начнет приносить в жертву цыплят?

— Ха-ха! Это была бы сенсация!

— О, Джон... Я... я не знаю.

— Ладно, Элси. Не брюзжи. Я не противился, когда ты хотела, чтобы я оставил Одил Дюфур... Давай возьмем Бабу в Париж.

— Но религия Бабу меня пугает.

— Он еще ребенок, милая. Послушай, Бабу когда-то работал на Береге Слоновой Кости и немного болтает по-французски. В Париже он будет чувствовать себя хорошо. И, милая, представь себе, как Бабу открывает дверь гостям и подает коктейли в своем цветном одеянии... Ха-ха!

— Да, но... ты думаешь, Бабу поедет?

— Ха! Бабу пойдет за нами на край света.

— Я согласна, что он может быть слугой. И потому — он обойдется гораздо дешевле, чем эта противная французская прислуга.

— Кушать готово, масса, мизуз!

— Давай есть. Я спрошу его за ленчем, ладно?

* * *

— Теперь можешь подать кофе, Бабу. И сразу же после ленча упакуй чемоданы.

— Масса уезжает?

— Совершенно верно. Мы сегодня уезжаем.

— О, масса... Бабу очень жаль. Простите, масса.

— Джон, он плачет, как ребенок.

— С чего это ты расхныкался, парень?

— Бабу хочет работать у массы и мизуз.

— Действительно хочешь?

— Да, м-м-масса.

— Хорошо. А тебе бы не хотелось поехать с нами в Париж?

— М-м-масса... О... ооо...

— Осторожней, ты, обезьяна! У тебя льется кофе!

— Простите, масса. О, масса, Бабу благодарит вас! Бабу благодарит папу. Папа, о, благодарю, тебя!

— Что ты говоришь, Бабу?

— Бабу благодарит своего мертвого папу, потому что Бабу просил папу попросить массу взять Бабу, когда масса поедет...

— Джон, он молился, чтобы мы взяли его с собой!

— Масса, Бабу просит...

— Что ты хочешь, парень?

— Бабу хочет пять шиллингов...

— Зачем?

— Бабу покупает цыпленка, чтобы поблагодарить мертвого папу...

— Ха-ха! Хорошо, мальчик. А теперь послушай: в Париже ты будешь работать у нас, как здесь.

7 Азия и Африка сегодня

Завтра я достану тебе паспорт и билет. О'кей? А теперь принимайся за укладку багажа.

— Да, масса.

— Джон, дорогой... Я... Ты действительно считаешь, что мы можем взять его? Меня в дрожь бросает при мысли о его религии...

— Ничего. Мы его отучим. Слушай — он поет...

* * *

— Как дела, Бабу?

— Бабу хорошо, масса.

— Мы уже в воздухе. Можешь отстегнуться от сиденья.

— Бабу не отстегивает, чтобы Бабу не упал, масса.

— Ха-ха! Ладно. Если тебе так лучше...

— Джон, он в ужасе. Попытайся успокоить его...

— Бабу, посмотри в окно. Видишь джунгли?

— Да, масса. Страна черного человека. Дом Бабу. Бабу видит домики из глины, в которых живут черные люди.

— Теперь взгляни туда... Видишь огонек? Мы приближаемся к Сахаре. Сядь свободнее, Бабу. Мы в безопасности.

— Бабу хорошо, масса. Бабу высоко, возле бога. Бабу чувствует себя, как он.

— Да? Ха-ха! А как он себя чувствует, Бабу?

— Он испугал Бабу. Вот почему Бабу знает, что он здесь, наверху. Масса, Бабу хочет спросить маленький вопрос...

— Да? Я слушаю, Бабу.

— Есть один бог для всех, масса?

— Конечно, Бабу. Есть только один бог.

— И он белый, масса?

— Видишь ли, Бабу, бог не имеет цвета.

— Но в книге, что была в воскресной школе, показан белый бог, масса.

— Желтые люди говорят, что бог желтый, черные — что он черный, а белые — белый...

— Но по-настоящему он белый, так ведь, масса? Белый, как масса?

— К чему ты ведешь?

— Белый бог все может. Он позволил белому человеку летать. Настоящий бог, как вы, масса.

— Нет, Бабу. Бога нельзя увидеть.

— Люди видели Иисуса, масса. Они убили его, и он воскрес из мертвых.

— Да. Но это было только один раз. Бог теперь не на земле... Спи, Бабу.

— Бабу не хочет спать, масса. Бабу смотрит на большой божий мир...

* * *

— Джон, я вижу Эйфелеву башню.

— Мы уже над Парижем. Скоро сядем. Устал, Бабу?

— Бабу хорошо, масса.

— Мы снижаемся. Пристегни ремень, Бабу.

— Пристегнул... Масса! Самолет падает!

— Шш! Ничего. Всего лишь воздушная яма.

— Бог пугает Бабу!

— Бабу, мизуз хочет, чтобы в Париже ты всегда носил свою красивую одежду.

— Да, мизуз.

— Элси, ты балуешь Бабу. Займись его воспитанием...

— Шш! Я слышу. Бабу, спой нам тихонько...

(Окончание следует)

Перевел с английского
Д. ЖУКОВ